

ИРИНА ЧУБАС

КЛУБОК СУДЕБ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВТОРОЙ ШАНС

Ирина Чубас

**Клубок судеб. Книга
первая: Второй шанс**

«Автор»

2026

Чубас И.

Клубок судеб. Книга первая: Второй шанс / И. Чубас — «Автор»,
2026

Она вернулась в деревню, чтобы помочь единственному родному человеку. Он потерял всё: жену, дом, себя. Его жизнь — бесконечное падение. Но есть тот, кто помнит его другим — сильным, живым, влюблённым. Одна встреча может всё изменить. Или разрушить окончательно. «Клубок судеб. Книга первая. Второй шанс» — семейная сага о том, как прошлое возвращается, когда его уже не ждут. И о том, что второй шанс иногда бывает у тех, кто перестал верить.

© Чубас И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирина Чубас

Клубок судеб. Книга первая: Второй шанс

Глава 1. Чужая

Дорога была белой от пыли и слепящей от зноя. Пыль эта поднималась при каждом шаге, оседала на голенищах дешевых сандалий, на подоле легкого платья, которое Таня выбрала утром с такой тщательной надеждой — светлое, в цветочек. Теперь ткань прилипла к спине, а край намок от пота и горечи. Она шла, не чувствуя ног, сжимая лямку спортивной сумки так, будто это был якорь, удерживающий ее от полного распада. Сумка то и дело била по бедру, напоминая: все, что у тебя есть, — в ней. Смена белья, щетка, зажим для волос да половинка шоколадки, припасенная на случай, если дядя Степа захочет попить чаю на веранде. Шоколадка теперь плавилась где-то на дне, смешиваясь с крошками и обидой.

В ушах, поверх гула крови, все еще стоял хриплый, пьяный крик дяди Степы. Голос, который когда-то баюкал ее над колыбелью и читал «Мойдодыра» по слогам, теперь резал: «Вон из моего дома! И чтоб духу твоего тут не было!» Таня зажмурилась — и увидела его лицо. Красное, взмокшее, с налитыми кровью белками. Руки, которые когда-то подбрасывали ее до самого потолка, тряслись и сжимались в кулаки. Она понимала, знала, чувствовала каждой клеткой спины, съежившейся под его криком: это не он кричал. Кричала та водка, что разъедала его изнутри уже третий год, и та женщина, что теперь правила в его доме, — Тонька.

Тонька стояла в дверях кухни, скрестив руки на плоской груди, и не моргала. Ее тонкий, ядовитый голосок вкрадчиво вставил тогда, между двумя дядиными выдохами: «Степанушка, да она же тебя, родного дядю, позорить приехала! Городская, всезнайка, вон как разоделась, думает, мы тут все быдло...» И он поверил. Он, ее дядя, который когда-то катал маленькую Таню на плечах по этому самому двору, пока она визжала от восторга и тянула его за волосы, — поверил. Поверил ей, этой оторве в цветастом халате, которая даже чай заваривать не умела — в кружку пакет совала прямо из коробки, не обдавая кипятком.

Жара плыла маревом. Воздух над полем дрожал, переливался, как вода на жаре, и дорога казалась живой — она тянулась, извивалась, обманывала. Таня остановилась на развилке трех одинаковых, уходящих в поля дорог. Одна вела к станции. Другая — обратно к дяде Степе. Третья — в никуда, в поля, где стояли уже скошенные стога и пахло полынью. Осознание пришло медленно и обжигающе, как эта пыль на губах: она заблудилась. Физически — в этой богом забытой лесостепи, где даже столбы на дорогах расставлены как попало. И метафорически — в своей жизни, которая только что разлетелась на осколки, как блюдо, выскользнувшее из мокрых рук. Планы рухнули. Она была ни здесь, ни там. Не городская уже — отвыкла от суеты, не деревенская — никогда ею не была.

Сдавленный стон вырвался наружу. Она прошла сквозь кустарник — ветки больно хлестнули по голым рукам, оставив три белых, быстро краснеющих полосы. В тени, под старым, корявым вязом, лежало поваленное дерево. Кора на нем облупилась, внутри была рыхлая труха, пахло прелью и муравьями. Таня опустилась на него, не глядя, села так, что юбка тут же пропиталась влагой. Спортивная сумка упала в траву рядом, и из нее выкатилась та самая половинка шоколадки — размякшая, в серебряной фольге, похожая на конфету, которую забыли в кармане.

Она спрятала лицо в ладонях.

И, наконец, разрешила себе плач. Тихий, бессильный, горький. Плечи ходили ходуном, но звука почти не было — только редкие, сдавленные всхлипы. Так плачут не совсем взрослые

девочки, которые только что поняли: никто не придет и не сделает больно меньше. Которые только что узнали, что родная кровь иногда пахнет перегаром и ложью.

Рокот мотора ворвался в тишину резко, неотвратимо.

Сначала он был далеким, как гудение шмеля в банке. Потом нарастал, наливался силой, и вот уже вся пыль на дороге взметнулась облаком, и из этого облака выплыл мотоцикл. Старый «Урал», с облезлым боком и зеркалом заднего вида, которое держалось на синей изоленте. Таня вздрогнула и мгновенно вытерла лицо ладонями. Ладони оказались мокрыми, соль щипала уголки губ.

На мотоцикле был Димка. Увидев Таню, он резко остановил машину, заглушил двигатель — и сразу стало тихо, только цикады заливисто, нестерпимо звенели со всех сторон. Он снял шлем, не глядя, бросил его на сиденье и пробрался сквозь заросли. Ветки хрустели под его тяжелыми ботинками. Его смуглое, серьезное лицо не выражало ни упрека, ни паники. Только усталое облегчение. Капелька пота ползла от виска по скуле, и он не вытирал ее.

— Всё, — сказал он просто, без лишних слов. Голос у него был низкий, чуть простуженный. — Концерт окончен, поехали.

Таня поднялась с поваленного дерева. Колени дрожали, и она на мгновение испугалась, что не устоит, упадет прямо в эту труху и муравьев.

— Я не поеду назад, — выдавила она. Голос звучал хрипло, но в нем зазвучала прежняя упрямая нота. Та самая, которую в ней всегда боялась мать. — Я на станцию, в город.

Димка вздохнул.

Вздых его был долгий, с присвистом, такой, каким вздыхают на капризного, но любимого ребенка. Он помолчал. Потом полез в карман джинсов, достал смятый носовой платок и молча протянул ей.

— Тань, электричка ушла три часа назад. — Он говорил ровно, без нажима, перечислял факты как по списку. — Сейчас там пусто, даже билетерша спит в своей каморке, а уборщица уже третий раз полы моет от скуки. И Катерина Фёдоровна чуть с ума не сошла. Она у меня всю душу вытрясла, Тань. Говорит, ты из дома вылетела как ошпаренная, без шапки, без денег. И Степан тебя... — он запнулся, подбирая слова. Посмотрел себе под ноги. Пошевелил ботинком какую-то травинку.

— Выгнал! — горько dokonчила Таня. — Так и скажи — выгнал. По-хорошему так выгнал, чтоб я убиралась к своей городской жизни. И не лезла в его новую, пьяную, с Тонькой жизнь. В жизнь, где место только для нее и его бутылок.

Она видела, как сжались его челюсти. Желваки заходили туда-сюда, и это движение было страшнее любого крика.

— Что случилось-то? — спросил он тихо. — Конкретно. Не эмоции, Таня, а факты.

— А что может случиться? — Ее голос снова задрожал, и она почувствовала, как предательски щиплет в носу. — Она сказала, что я украла ее банку с какой-то бурдой. С маринованными опятами. Которые она якобы сама собирала и якобы сама закатывала. Хотя я видела эти опята — они из магазина, с этикеткой, которую она просто отодрала. Он потребовал, чтобы я призналась. Я не крала, Дим, ты же знаешь, я ни одной банки даже не открывала в том погребе, мне туда страшно было заходить, там плесень и пахнет мышами. Он стал орать, что я вру. Что я всегда врал. Что я... что я все порчу, что приехала, только чтобы ему жизнь сломать, как мать моя когда-то сломала. И она смотрела. Из-за его спины, из полумрака коридора, смотрела и улыбалась. Ехидной такой, тоненькой улыбкой. Бровь подняла. И я поняла. В тот миг, как громом ударило. Я здесь не просто лишняя. Я — враг. И пока я здесь, она будет каждую ложку, каждую тряпку считать и меня винить. Ну и ушла.

Димка молчал.

Он глядел куда-то поверх ее головы — в раскаленное марево полей, где небо встречалось с землей в дрожащей, неверной линии, и было непонятно, где кончается одно и начинается

другое. Молчание затягивалось. Цикады звенели. Где-то далеко, за полями, лаяла собака — тоскливо, на одной ноте.

Потом он кивнул.

— Понял. — Голос его стал тверже. — Значит, так. Сейчас мы едем не к Степану. Мы едем к Катерине Фёдоровне. Отдышишься. Умоешься. Напьешься чаю, настоящего, из самовара, а не из этой его закопченной кружки. Мать твоя через пару дней будет. Вместе голову поломаем, как быть. Но бросать его сейчас, Тань, нельзя. — Он помолчал, потом добавил медленно, взвешивая каждое слово: — Это не про него. Это про нее. Она его в петлю загоняет, день за днем, шаг за шагом, она веревку вьет. А ты, выходит, ей последний гвоздь в крышку гроба принесла. Обиделась — и смылась. Оставила его одного, с ней, с этой Тонькой, у которой глаза как у змеи. Разве так побеждают?

Он смотрел на нее прямо.

И в его глазах, серых, с темным ободком вокруг радужки, не было осуждения. Была тяжелая, мужская уверенность. И еще что-то, чего Таня боялась назвать даже мысленно — потому что если назовешь, надо будет что-то с этим делать, а сил на это сейчас не было.

Татьяна сдалась.

Силы спорить не осталось — все ушло на тот плач в ладонях, на эту дорогу, на эту проклятую шоколадку, которая теперь таяла в траве. Она лишь кивнула. Один раз. Молча.

Она села на мотоцикл, за его спину. Старый дерматин сиденья обжег ноги сквозь юбку. Она ухватилась за его плечи — твердые, горячие от солнца, пахнущие бензином и потом. Плечи, которые она помнила еще мальчишескими, узкими.

Мотор рыкнул, взревел, чихнул и заработал ровно.

Они уехали, прочь от этой проклятой развилки трех дорог. Но не от проблемы. Проблема сидела сзади, вцепившись в чужие плечи, и не собиралась отпустить.

Дом Катерины Фёдоровны встретил их не просто запахом пирогов. Он встретил их ощущением порядка, того порядка, который не купишь и не наведёшь за один день. Половицы здесь не скрипели — они тихо, с достоинством постанывали под ногой, как старые, верные слуги. Чистые занавески на окнах были выстираны и накрахмалены так, что держали форму даже в безветрие. В углу, на полированной тумбочке, поблескивал самовар — тёмно-коричневый, с вытертым боком, но начищенный до такого состояния, что в нём можно было разглядеть собственную искажённую улыбку. Герань на окнах цвела буйно, красными и розовыми шапками, и пахла тем самым, домашним, что не спутаешь ни с каким парфюмом. Сам воздух здесь был другим — спокойным, жилым, чуть сладковатым от сушёных трав в холщовых мешочках над печью.

— Танюша, золотая моя! — Катерина Фёдоровна всплеснула руками.

Она не побежала — она метнулась, насколько позволяли её годы и полнота, и в следующий миг Таня уже тонула в объятиях, пахнущих тестом, дрожжами и той особенной добротой, которая не требует благодарности. Руки у Катерины Фёдоровны были мягкими, но цепкими — она держала крепко, так, будто боялась, что Таня снова растворится в степном мареве. — Испугала ты меня до полусмерти! — голос её дрогнул, и Таня почувствовала, как старухины плечи вздрагивают. — Думала, сгинешь в степи! Одна, ночью, без копейки... да там волки шакалы эти... я уж Димку снарядила, сказала: езжай, ищи, пока земля не остыла.

Затем она отстранилась, держа Таню за плечи, и всмотрелась в её заплаканное лицо. Всмотрелась долго, прищурившись, поворачивая голову то влево, то вправо, будто читала по губам то, что не было сказано.

— Ну-ка, говори. Что он там, дурак несчастный, натворил?

Они сидели за широким кухонным столом. Стол был старый, дубовый, с вытертой до белизны серединой — сколько локтей на нём отстоялось, сколько чашек переставлено. Димка

пил квас, молча. Он пил не спеша, делал три глотка, ставил кружку, смотрел в окно, потом снова брал. Таня, сжимая тёплую глиняную кружку обеими ладонями, рассказывала. Сбивчиво, с паузами, проглатывая окончания и возвращаясь назад, потому что одно цеплялось за другое, а другое тянуло за собой третье. Кружка была шершавой на ощупь, и Таня водила по ней пальцем, собирая капельки конденсата. Катерина Фёдоровна слушала, не перебивая. Ни одного вопроса. Ни одного «а потом?». Только глаза её сужались, а губы все сильнее поджимались в тонкую, жёсткую ниточку. Палец правой руки мерно, как метроном, постукивал по клеёнке.

Когда Таня умолкла — просто закончились слова, воздух вышел, и осталась только пустота, — в кухне повисло тягучее молчание. Такое, какое бывает перед грозой, когда уже темно, а дождя всё нет. Слышно было, как за стеной тикают ходики. Как Димка ставит кружку. Как где-то под полом возится мышь.

Катерина Фёдоровна тяжело вздохнула.

— Так, значит, она уже и воровкой тебя выставила, — сказала она негромко, но в этом «так, значит» было больше веса, чем в любом крике. — Ловко. Очень ловко. Я такой почерк знаю. Она не первый раз, Танюша, она так всех выживает. Сначала жалость, потом сплетня, потом обвинение — и человек сам уходит, чтобы не унижаться.

— Да что она ему такого сказала, Катерина Фёдоровна? — в голосе Тани снова прорвалась обида, но теперь это была не та острая, режущая обида, что на дороге. Эта была глубже, больнее. — Он же меня любил! Я помню, как он меня на плечах носил. Помню, как он каждое лето встречал — с букетом полевых цветов, представляете? С ромашками, которые сам нарвал у дороги. Как он мог поверить... этой... ей?

Она не договорила. Не нашла слова.

Катерина Фёдоровна помолчала. Посмотрела на Димку. Димка чуть заметно кивнул, словно разрешая ей сказать то, что она и так собиралась.

— Деточка, — голос соседки стал тихим и печальным, таким, каким говорят о смерти или о том, что её неизбежно предшествует. — Когда человек тонет, он хватается не за то, что крепко. А за то, что рядом. А рядом с ним уже полгода. Полгода, Таня. Сто восемьдесят дней. Только бутылка да эта... тварь. Она его не просто спаивает — она его переделывает. Под себя. Как старую вещь перекраивает, чтобы он без неё и шагу ступить не мог, чтобы проснулся и первым делом подумал: «А где Тоня? А что Тоня скажет?». А ты... ты из прошлой жизни. Из той жизни, где была Даша, порядок, уважение, где по утрам пахло блинами, а не перегаром. Ты ему эту жизнь напоминаешь. А ему от этого больно и стыдно. Стыдно так, что легче заорать и выгнать, чем посмотреть тебе в глаза. И ей страшно. Потому что ты — живое доказательство того, что он когда-то был другим. Вот она и выживает.

Катерина Фёдоровна перевела дух. Поправила платок на плечах. И начала рассказывать. Неспешно, как старухи умеют — с отступлениями, с вздохами, с долгими паузами между предложениями, когда она смотрела не на Таню, а куда-то в угол, за печку, где, наверное, стояли чужие, уже ушедшие люди.

О том, как полгода назад тихая, хрупкая Дарья Михайловна, которая была душой и совестью того дома, сгорела от пневмонии. — За три дня. Утром чихала, к вечеру — жар под сорок, а через два дня её уже увозили насовсем. Не попрощалась толком, не наказала ничего. Степан тогда не плакал. Ты его знаешь — он вообще не плачет, сколько я его помню. Он начал пить. Молча. Отчаянно. Как рубят дерево — не смахивая пот, не останавливаясь, пока ствол не рухнет. Мы сначала помогали, — Катерина Фёдоровна качала головой, и тени от настольной лампы прыгали по её лицу, делая его то моложе, то старше. — Я ему суп носила. Димка скотину кормил — у них же корова была, Зорька, добрая такая, с рыжим боком. Соседи с той стороны помогали. Думали, пройдёт, очнётся, возьмёт себя в руки. Ан нет. Потом появилась она, Тонька. Пришла, понимаешь, как к себе домой. С сумкой. Сказала, «жалко» ему стало.

Жалко! — Катерина Фёдоровна почти выплюнула это слово. — Ей, которой никогда никого не было жалко, кроме себя. И пошло-поехало. Сначала она ему суп варила — я сама видела, она кипяток на картошку наливала и считала, что это еда. Потом она осталась ночевать. Потом — переехала. Теперь они пьют дуэтом. Хозяйство... — она махнула рукой, и этот жест сказал больше, чем тысяча слов. — Одни руины, Танюша. Душа болит смотреть. Я твоей маме звоню, кричу в трубку: «Света, братец твой погибает!». А что Света? У неё работа, своя жизнь, свои дети, свои проблемы. Она, конечно, переживает, но там, в городе, и она уже забыла, как это — когда скотина не кормлена, когда человек в себя прийти не может.

Катерина Фёдоровна помолчала. Взяла со стола ложку, повертела в пальцах, положила обратно.

— И вот она, грешным делом, тебя, самую молодую да упрямую, и отправила на передовую. Не спросясь. Не объяснив. Просто сказала: «Поезжай к дяде, погости». А ты и поехала, потому что мать — она мать, ей не отказывают. Нас, старых, он уже не слышит. А голос крови... может, услышит.

Таня слушала.

И внутри неё что-то происходило. Гнев, который ещё час назад жег изнутри, медленно оседал, превращаясь в другое, более тяжёлое и холодное. В ответственность. Такую, от которой не убежишь и не отмажешься. Она приехала не в гости. Её, саму того не ведая, назначили десантом спасения. Единственным десантом, потому что больше некому. Димка? Димка чужой. Соседи? У соседей свои беды. А она — кровь. И её первая операция закончилась позорным бегством.

— Что же делать-то теперь? — спросила она тихо. Тише, чем хотела.

Она смотрела на свои руки. Руки дрожали. Она сжала их в замок, положила на колени.

Катерина Фёдоровна обменялась долгим взглядом с Димкой. В этом взгляде было что-то, чего Таня не умела читать — опыт, многолетнее знание друг друга, общая история, в которой она была всего лишь ребёнком со стороны. Димка чуть заметно кивнул. Катерина Фёдоровна выдохнула и сказала медленно, взвешивая каждое слово, как взвешивают муку на весах — чтобы ни грамма лишнего:

— Во-первых, тебе тут жить. Пока мать не приедет. У меня комната наверху свободная, там сено свежее, простыни чистые, никто тебя не тронет. Во-вторых... — она подняла палец, и палец этот был строгим, учительским. — Ему нужно показать, что есть жизнь не только в той яме, куда он сполз. Нужно разбудить в нём того Степана, который помнит. Которому было за что жить. До неё, до Тоньки. До всей этой... грязи.

— И как это сделать? — Таня подняла глаза.

На лице Катерины Фёдоровны появилось что-то вроде старой, хитрой улыбки. Такие улыбки бывают у людей, которые знают больше, чем говорят, и придерживают козырька на самый последний момент.

— Есть у меня одна мысль, — сказала она загадочно. — Призрак из прошлого. Но об этом — завтра. Сегодня — спать. Ты, я смотрю, на ногах не стоишь.

Таня согласилась.

Она поднялась наверх по скрипучей лестнице, вошла в чистую, пахнущую сеном комнату под крышей. Простыни были холодными и гладкими, подушка — твёрдой, по-деревенски добротной. Она легла, не раздеваясь, свернулась калачиком и уставилась в потолок, где перекрещивались тёмные балки.

И впервые за этот долгий, разорванный на куски день она почувствовала не беспомощность. Не отчаяние. Не обиду. Она почувствовала усталость солдата после первого боя. Бой был проигран. Она отступила, убежала, бросила позиции. Но война — только начиналась.

Ночью все проснулись от шума и крика.

Крик был тонкий, залиvistый, такой, от которого встают волосы на загривке и сердце пропускает удар. Тонька. Кто же ещё. Она голосила на всю улицу, и её голос то взлетал до петушиного визга, то падал в хриплый, мокрый плач.

Катерина Фёдоровна соскочила с постели мгновенно — так, будто и не спала вовсе. Таня услышала, как она шарит руками по комоду, нашаривает халат, накидывает на плечи.

— Что это там случилось? — причитала Катерина Фёдоровна, и голос у неё был спросо-нья сиплый, чужой. — Господи, спаси и сохрани. Неужели пожар? Ой, чует моё сердце, не к добру это, не к добру!

Таня уже стояла у окна. Она отдернула занавеску — тонкий ситец хлестнул по лицу, пахло ночной прохладой и полыньё.

— Ничего не видно, — сказала она, вглядываясь в темноту. — А вон... машина стоит, у ихнего дома. Не пойму какая. Не пожарная. Маленькая, белая.

Катерина Фёдоровна подошла к ней, тяжело дыша, и тоже выглянула. Помолчала. Потом выдохнула коротко и страшно:

— Скорая.

Они оделись за минуту. Не сговариваясь — молча, в темноте, натыкаясь друг на друга и на углы. Таня натянула джинсы прямо на голое тело, стащила с вешалки первую попавшуюся кофту. Обулась на босу ногу в резиновые сапоги, стоявшие у порога.

Они выскочили на улицу.

И увидели.

У дома Степана стояла карета скорой помощи. Двигатель работал на холостых, фары светили в кусты сирени, выхватывая из темноты каждый листок, каждую тень. Медбрат уже закрывал заднюю дверцу. А Тонька голосила, стоя на крыльце, в одном халате нараспашку, трясаясь и размазывая слёзы по щекам. Голосила так, будто её резали.

Катерина Фёдоровна и Таня подбежали к машине. Таня заглянула в окошко.

И увидела дядю Степана.

Он лежал на носилках, бледный, как та простыня, которой его укрыли, с закрытыми глазами. Лицо его было серым, впалым, с мелкой сеткой морщин, которых Таня раньше не замечала. Губы синие. Рука безвольно свисала вниз, и на внутренней стороне локтя торчала игла капельницы.

— Что случилось? — вскрикнули они почти в один голос. Таня — высоко, со страхом. Катерина Фёдоровна — глухо, с горечью, потому что она уже знала ответ, но боялась его услышать.

Врач — молодой, с усталыми глазами, в очках, съехавших набок — повернулся к ним.

— Сердечный приступ, — сказал он коротко, без эмоций. Смотрел не на лицо, куда-то в бланк, который держал в руках. — Пожилой мужчина, токсическая кардиомиопатия на фоне хронической алкогольной интоксикации. А вы кто?

— Я соседка, — быстро сказала Катерина Фёдоровна. — А это вот племянница его. Родная племянница, из города приехала.

Врач поднял глаза, перевел взгляд с одной на другую.

— А вот эта орущая женщина, — он кивнул в сторону крыльца, где Тонька продолжала заливаться, прижимая руки к груди, — это его жена?

Катерина Фёдоровна помолчала ровно столько, чтобы ответ прозвучал весомо.

— Это его сожительница, — сказала она. И каждое слово в этой фразе было как пощёчина.

Врач кивнул, не выказав ни удивления, ни интереса.

— Мы ему оказали первую помощь, сделали уколы. Он сейчас уснул, состояние тяжёлое, но стабильное. — Он помолчал, почесал переносицу. — Нам нужны его документы. Паспорт, полис, СНИЛС. Без них мы не можем оформить госпитализацию.

— Сейчас я поищу, — сказала Таня.

И побежала.

Она влетела в дом Степана — тот самый дом, из которого ушла несколько часов назад с криком «вон отсюда». Порог, где споткнулась, вылетая. Коридор, где висело дядино пальто, старое, с продраным локтем. Кухня, где стояла та самая злополучная банка с опятами — теперь пустая, с мутной жидкостью на дне, забытая на столе. Тонька попыталась преградить ей дорогу, растрёпанная, с красными глазами, сжимая в кулаке какой-то носовой платок.

— Куда? — заверещала она. — Куда прёшь, чужая? Здесь всё моё, поняла? Я здесь хозяйка, не лезь!

Таня не ответила.

Она просто оттолкнула Тоньку — не сильно, спокойно, по-житейски. Ладонью в плечо. Тонька пошатнулась, вцепилась в косяк и захлебнулась своим криком. А Таня пошла дальше. В комнату дяди. Туда, где пахло лекарствами, потом и чем-то кислым, давно не проветриваемым.

Она перерыла всё.

Шкаф — пусто, только рубашки, сложенные неровными стопками, и старый галстук с пятном. Комод — ложки, вилки, какие-то квитанции, фантики. Под кроватью — пыльные тапки и пустая бутылка из-под водки. Уже не горько. Уже привычно.

Паспорт нашёлся в старом чемоданчике. Тёмно-коричневый, с вытертыми углами, запертый на сломанный замок, который даже не щёлкал. Таня дёрнула — открыто. Внутри лежали документы, старая фотография тёти Даши (молодая, смеётся, платок сполз на плечо) и засохший колосок, перевязанный синей ниткой. Таня схватила всё, что нужно, не глядя, и выскочила обратно.

На улице она передала документы врачу.

— В какую больницу повезёте? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Врач назвал номер. Девятая. Таня запомнила не цифру — она запомнила лицо врача, усталое, с мешками под глазами, и его очки, которые всё норовили съехать.

Врач сел в машину. Дверца хлопнула. И скорая уехала, мигнув фарами на повороте, растворилась в ночной темноте, и только красные огоньки долго ещё мелькали среди тополей.

Тонька осталась на крыльце. Она бегала, орала, топала ногами в шлёпанцах. Стала оскорблять Катерину Фёдоровну: «Старая карга, везде свой нос суёшь». Стала оскорблять Таню: «Городская шлюха, приехала наследство делить, да ничего тебе не достанется, поняла? Ничего!».

Но они не стали её долго слушать.

Катерина Фёдоровна взяла Таню за локоть. Повернулась. И они пошли домой. Молча. Не оглядываясь. Тонькин голос тонул за спиной, удалялся, становился тоныше, превращался в жужжание комара — злое, надоедливое, но уже не опасное.

Дома было тихо.

Сон пропал. Совсем. Безнадёжно. Таня села на тот же самый табурет у стола, где слушала вечернюю историю про тётю Дашу и про то, как человек тонет. Катерина Фёдоровна поставила чайник. Движения у неё были медленные, тяжёлые, будто каждая ложка, каждая чашка весила в два раза больше обычного.

Они сидели на кухне и не могли успокоиться.

Чайник давно вскипел и остыл. Чай заварился и стал горьким. Катерина Фёдоровна пригубила, поморщилась, оставила чашку.

— Допился-таки, — сказала она глухо. — Сердце не выдержало. Я же предупреждала его, Танюша, я же сто раз говорила: «Степан, ты не мальчик, побереги себя». А он только рукой махал. А теперь... — она не договорила. Сморгнула. Промокнула уголок глаза кончиком платка, который вдруг откуда-то взялся в её руке.

— Ничего, — ответила Таня. Голос у неё был чужой, не свой — твёрже, чем она ожидала. — Я завтра пойду в больницу. Всё разузнаю. Поговорю с врачом. Узнаю, когда можно навещать. Что нужно привезти. Я не брошу его, Катерина Фёдоровна. Не сейчас.

Катерина Фёдоровна посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом. Как смотрит врач на пациента, у которого вдруг проявились признаки выздоровления. Потом кивнула.

— Вместе поедем, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я утром ему гостинцы соберу. Бульон сварю, курочку, белую. Печенье своё, рассыпчатое. Он его всегда любил. Может, хоть это... — она запнулась. — Может, хоть это его достанет. Там, за той стеной, где всё болит.

Помолчали.

— А сейчас давай-ка пойдём спать, — Катерина Фёдоровна тяжело поднялась, взяла со стола обе чашки и понесла их к раковине. — Утро вечера мудренее. Мудренее, Танюша. Так мой дед говорил. Он три войны прошёл и всегда доживал до утра. И мы доживём.

Таня кивнула.

Она поднялась наверх, в свою сеновалку, легла лицом в подушку и долго смотрела в темноту. Спать не хотелось. В голове крутилось: девятая больница, серое лицо дяди, синие губы, и тот колосок, перевязанный синей ниткой. Зачем он его хранил?

Ответа не было.

Была только ночь и тяжёлое, как камень, ожидание утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.